

Писатель **Станислав Лем:**

«Я не Нострадамус»

Впервые на русском языке вышли книги эссе «Диалоги» и «Молох» легендарного фантаста и философа Станислава Лема. О том, почему автор знаменитых рассказов о пилоте Пирксе, «Соляриса» и «Астронавтов» уже больше пятнадцати лет не пишет фантастических произведений, Станислав Лем рассказал корреспонденту «Известий» **НАТАЛЬЕ КОЧЕТКОВОЙ**.

ИЗВЕСТИЯ: В 1989 году вы перестали писать беллетристику. Почему это произошло?

Станислав Лем: Когда-то мне было необходимо отпускать воображение на волю, а теперь уже нет. Будущее вызывает у меня, скорее, грусть и страх, чем желание творить. Темп изменений столь огромен, что мы уже давно перестали их контролировать. Книжный рынок также не избежал этого безумного ускорения. Книга живет теперь два или три месяца — и все. Кто станет держать в магазине книгу, изданную в прошлом году? Ведь это старье. Новинки беспощадно вытесняют все старое. Замечательные произведения (даже если появляются) тонут в море издательской продукции, пробивается же хорошо рекламируемая халтура. Мне уже не надо лезть в эту толпу из материальных соображений, а морализировать среди их грохота и визга будет, наверное, бесполезно. Слишком много и книжек, и авторов.

ИЗВЕСТИЯ: Сейчас вы весьма нелестно отзываетесь о научной фантастике. Тогда как вы можете охарактеризовать то, что сами писали до конца 1980-х?

Лем: Скажу откровенно: я не выношу science fiction, считаю ее жанром второстепенным, инфантильным и лишенным какой бы то ни было интеллектуальной ценности. Особенно в американском, сугубо коммерческом варианте (за мою критическую статью, озагла-

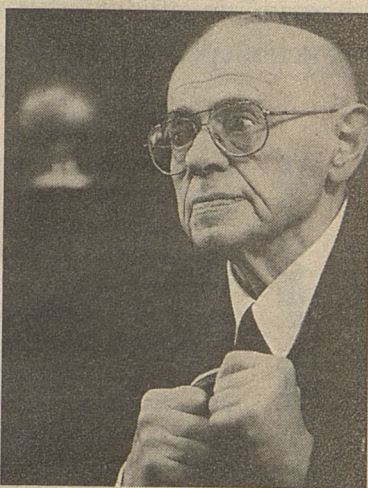

ФОТО: AFP

ленную «Science fiction: случай почти безнадежный», меня даже лишили почетного членства в Обществе научных фантастов Америки). По мне, даже самый слабый детектив лучше этого галактического пустомельства. Я полагаю, что некоторые фрагменты моей «Кибериады» или «Сказок роботов» ближе к философской притче эпохи Просвещения, чем к научно-фантастической литературе. Этот камень следует раз и навсегда выкинуть из моего огорода, ибо он попал туда по недоразумению. В молодости я написал пару наивных «научно-фантастических» сочинений, и, к сожалению, этот ярлык стали приклеивать ко мне постоянно.

ИЗВЕСТИЯ: В книге «Молох» вы вернулись к «Сумме технологий». Можно ли это назвать попыткой скорректировать прогноз?

Лем: То, что произошло с моими футурологическими построениями при встрече с действительностью, немного напоминает автомобильную катастрофу. Мы имеем теперь совсем не то, о чем мне когда-то мечталось. Из ряда возможностей, которые предоставляют нам знания и технологии, мы всегда отбираем для использования только небольшую часть, и это решение предопределяет спектр нашего выбора в дальнейшем. → стр. 15

Известия - 2005 - 3 апреля - с. 1, 15.

Писатель **СТАНИСЛАВ ЛЕМ:**

01→ «Я не Нострадамус»

ТОЛЬКО В «ИЗВЕСТИЯХ»

«Хотелось бы, чтобы мои прогнозы не подтвердились»

А критерии отбора, применявшиеся в течение последних пятидесяти лет, и особенно в самое последнее время, оказались не такими, как мне представлялось. Из того, что я ожидал увидеть, осуществилось то, что оказалось доходным, то, что удалось хорошо продать. Мы взяли из будущего не самое красивое, самое возвышенное, не то, что могло сделать каждого из нас лучше, но то, что людям с большими деньгами показало наиболее коммерчески перспективным, то, с чем были связаны наилучшие маркетинговые планы молодых специалистов в больших рекламных агентствах.

ИЗВЕСТИЯ: Насколько вообще перспективна футурология? Ведь прогнозы могут и не сбыться...

Лем: Очень удачную и очень забавную характеристику достижений футурологии дал Вуди Аллен, когда написал об известном предсказании, согласно которому «два народа будут сражаться друг с другом, но только один из них одержит победу». Совсем недавно один из ведущих футурологов (а конкретно — Герман Канн) заявил, что ценовой потолок барреля нефти составляет двенадцать долларов! И больше быть не может! Не представляю, что будет с миром и с Европой. Я много раз подчеркивал, что не верю в

матических изменений. Рост температуры Мирового океана вызывает ураганы невиданной доселе мощности, резкие перепады давления, не случавшиеся раньше или по крайней мере случавшиеся значительно реже. Хотелось бы, однако, чтобы эти мои прогнозы не подтвердились.

Тарковский слишком заземлил «Солярис»

ИЗВЕСТИЯ: В свое время вы с Тарковским так и не сошлись во взглядах на экранизацию «Соляриса». Тогда вы просидели шесть недель в Москве, пока спорили о том, как делать фильм, потом обозвали Тарковского дураком и уехали домой. Как вы думаете, почему вам тогда так и не удалось договориться?

Лем: Однажды я сравнил нас с Тарковским с упряжкой из двух лошадей, каждая из которых тянет телегу в своем направлении. Тарковский был гениальным художником и исключительной личностью, и, наверное, именно поэтому нам не удалось достичь никакого компромисса. Мне не нравилось ни психологическое решение картины в целом, ни нравственные сомнения, которые мучат главного героя на экране. «Солярис» должен был стать вопросом о границах человеческого познания, а не психологической драмой типа «Преступления и наказания» в космосе. Кроме того, Тарковский слишком «заземлил» мою книгу: ввел родителей и родственников Кельвина. В конце появляется какая-то избушка на острове. Когда я об этом слышу, меня охватывает чудовищное раздражение.

ИЗВЕСТИЯ: Тогда вы даже недосмотрели фильм Тарковского до конца. Не пытались пересмотреть его с тех пор?

Лем: Нет, я не чувствую себя в силах смотреть этот фильм полностью. Врачи велят мне избегать сильных переживаний...

ИЗВЕСТИЯ: Если вам не понравился фильм Тарковского, который довольно точно

«Я не чувствую себя в силах смотреть «Солярис» полностью. Врачи велят мне избегать сильных переживаний...»

следовал тексту романа, то какое же впечатление должен был на вас произвести фильм Стивена Содерберга, который превратил «Солярис» чуть ли не в любовный роман?

Лем: Фильм Содерберга, хотя и потребовал много сил и средств, оказался сплошным недоразумением. У меня такое впечатление, что сам этот в общем-то очень талантливый режиссер не до конца понимал, чего хочет. Однажды он сказал, что попытается соединить «Космическую одиссею» с «Последним танго в Париже». Но это все равно что приготовить солянку с клубникой и подать все это холодным. К счастью, я не принимал в этом никакого участия и не должен был смотреть того, что получилось.

ИЗВЕСТИЯ: Знаю, что вы не слишком сильно тяготели к медицине, когда поступили во Львовский медицинский институт, но все же — что побудило молодого врача сменить профессию и написать фантастический роман «Человек с Марса»?

Лем: В 1949 году всех, кто заканчивал вуз с дипломом медика, в обязательном порядке отправляли на бессрочную военную службу. Поэтому, успешно прослушав весь курс, я не стал сдавать выпускные экзамены — перспектива стать военным врачом меня вовсе не привлекала. А «Человека с Марса» я написал просто ради пропитания: моя семья, принудительно выселенная из Львова, лишилась во время войны всего имущества.

ИЗВЕСТИЯ: Вы как-то сказали, что никогда не поддерживали коммунизм. Как тогда объяснить роман «Магелланово облако»?

Лем: «Магелланово облако» — это исключительно слабая книга: слабая по содержанию и слишком высокопарная в стилистическом отношении. Конечно, она в значительной степени реализует постулаты социализма (надо все-таки помнить, что она появилась в самый разгар сталинской эпохи). Но критики-коммунисты были от этой книги далеко не в восторге, у нее были серьезные проблемы с цензурой, и ее появление на свет было задержано на полтора года. Среди прочего мне ставили в вину мое буржуазное мировоззрение, а один из критиков прямо написал, что «текст изобилует сугубо идеалистическими суждениями, которые трудно примирить со здоровым диалектико-материалистическим восприятием мира, характерным для членов коммунистического общества».

«Я не верю в колонизацию космоса»

ИЗВЕСТИЯ: Что вы думаете о современных исследованиях Марса? Вы следите за информацией, которую передает марсоход «Opportunity»?

Лем: Я не верю в быстрое освоение человеком межпланетного пространства и в колонизацию космоса. До сих пор мы использовали беспилотные аппараты, и успехом заканчивалась в лучшем случае одна из четырех попыток добраться до Марса и высадиться на его поверхности. Полет с людьми на борту станет в таких условиях предприятием в высшей мере рискованным и дорогим. На сей день мы располагаем единственным двигателем для космических аппаратов — двигателем, основанным на энергии химических реакций, а значит, предел скорости для нас составляет семь-восемь километров в секунду. До Луны около четырехсот тысяч километров, до Марса — в четыреста раз больше. Мы не можем даже представить себе, сколь тяжелыми осложнениями как для личности, так и для коллектива чревато многомесячное пребывание нескольких астронавтов в ограниченном пространстве. Я уж не говорю о том, что на время полета — и возвращения! — их придется как-то обеспечивать всем необходимым для поддержания жизни.

По моему мнению, это титаническая задача, осуществление которой останется человечеству не по силам еще в течение нескольких десятилетий. Марс — это пустынная планета, совсем без воздуха и без воды, его поверхность словно выжжена; все, что там должно было окислиться, уже окислилось. Решительно непонятно, что марсианская программа может дать Америке и всему миру в экономическом отношении. И вообще говоря, если людей интересует освоение крайне негостеприимных областей, то пусть лучше займутся Сахарой или Антарктидой. Человечеству вместе с тем нравятся масштабные зрелища, и поэтому высадка астронавтов на Марс в течение этого столетия представляется весьма вероятной.

ИЗВЕСТИЯ: Для многих читателей есть два Лема — фантаст, автор «Соляриса» и рассказов о пилоте Пирксе, и философ, эссеист, автор «Суммы технологий». Сейчас вам ближе второй, а как вы относитесь к первому?

Лем: Такое разграничение кажется мне несколько искусственным. Нет двух Лемов — одного, который отключает рассудок и пишет научно-фантастические повести, и другого, который занимается исключительно углубленным философствованием. Мне кажется, что в моей беллетристике также содержится определенная философская составляющая: в «Солярисе» я размышляю о месте человека в космосе, «Звездные дневники» иногда сравнивают с «Путешествием Гулливера», а по поводу «Кибериады» «Нью-Йорк таймс» написала: «Станислав Лем — это Хорхе Луис Борхес эпохи полетов в космос, всерьез играющий со всеми понятиями современной философии и физики, от свободы воли до теории вероятности».

ИЗВЕСТИЯ: Можете напоследок рассказать, что вы пишете для компьютерных игр и какие это игры?

Лем: Недавно представители японской фирмы «Конами» попросили меня написать вступительную статью к очередной части компьютерной игры «Metal Gear Solid», имея при этом в виду мои воспоминания о временах «холодной войны». Я подготовил для них текст, страниц примерно на пятнадцать, посвященный прежде всего моим поездкам в Советский Союз в шестидесятые годы. Я тогда познакомился со многими необычными людьми (в том числе с советскими лауреатами Нобелевской премии и космонавтами) и стал участником нескольких невероятных приключений, вполне достойных того, чтобы стать сюжетами фильмов о шпионах.

От «Человека с Марса» к «Сумме технологий»

В 1940-х вышли в свет первые фантастические рассказы и повести Станислава Лема, а в 1950-е он уже стал профессиональным писателем. Его первый роман «Человек с Марса» написан в конце 1940-х, однако широкую популярность писателю принесла книга «Астронавты». За ней последовали романы «Непобедимый», так любимое в советское время «Магелланово облако», рассказы о пилоте-космонавте Пирксе, записки Йона Тихого и, конечно, знаменитый «Солярис». Наряду с фантастикой Станислав Лем занимается философией и футурологией: здесь наиболее известна его книга «Сумма технологий».

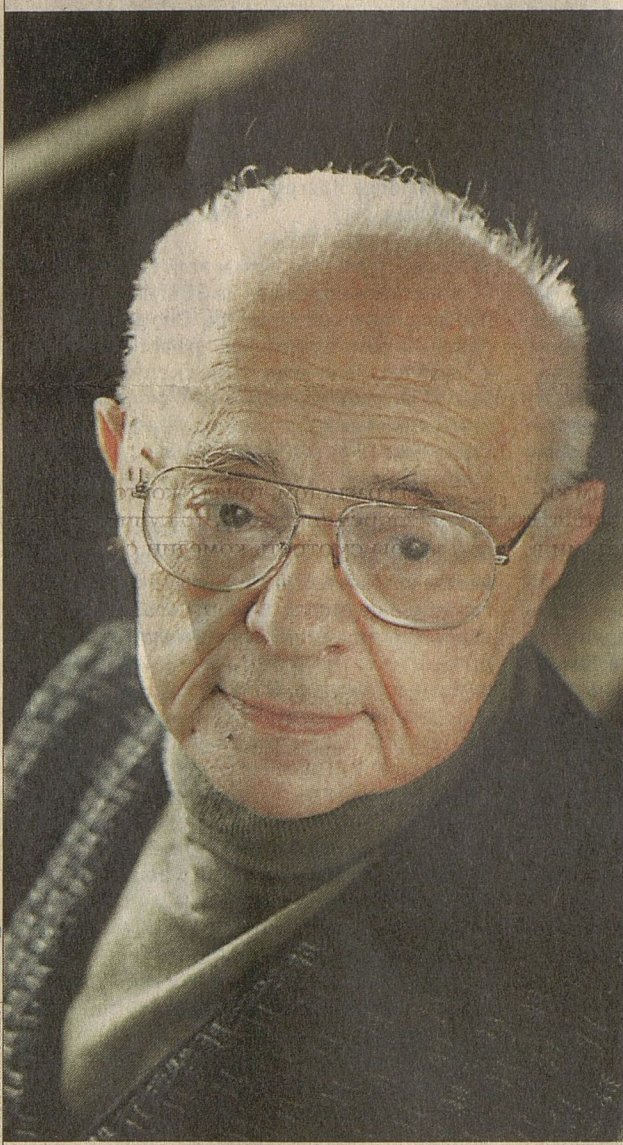

ФОТО: ADAM GOLEC

возможность столь категоричных предсказаний. Наши попытки предсказать будущее напоминают попытки предвидеть развитие сложных шахматных партий. Причем шахматы, с которыми мы имеем дело, таковы, что игрок в любой момент может — вместо того, чтобы сделать следующий ход, — выхватить из кармана нож, палку или разбить доску о голову партнера, если по какой-либо причине он сочтет это нужным.

Когда я обратился к наиболее известным футурологическим трудам 30-летней давности, оказалось, что события развивались совсем не так, как представляли себе наилучшие умы 60-х. Ошиблись в своих прогнозах и Канн, и Гудзоновский институт, и комиссия Белла. Ничего из их сочинений не подтвердилось. Прав оказался только Антон Голубев, который любил повторять, что суть будущего состоит в том, что «все иначе» — иначе, чем мы себе представляем. Так оно и есть. При этом «иначе» не значит ни сильно лучше, ни сильно хуже. Просто иначе. В принципе история делает из наших мечтаний и наших страхов солянку, где немало хороших кусков мяса, попадаетея какая-то требуха, но больше всего — рубленой капусты. Было предсказано и клонирование, и выращивание искусственных органов, и собирание людей из деталей, но сбылись эти предсказания как-то иначе.

ИЗВЕСТИЯ: Как вы относитесь к феномену предсказания в фантастике? Правда, что вы предсказали недавнее цунами?

Лем: Я не занимаюсь конкретными прогнозами: я не смогу предвидеть, что произойдет в данный день в определенный момент времени. Я не Нострадамус. Меня больше интересуют некоторые общие тенденции развития, обнаружение универсальных закономерностей. Я неоднократно обращал внимание на то, что мы недооцениваем последствия резких кли-